

Философский факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербургское философское общество

Философия XX века: ШКОЛЫ И КОНЦЕПЦИИ

Материалы научной конференции

23-25 ноября 2000 г.

Санкт-Петербург

2000

КАЛЮЖНЫЙ В.Н.

(Харьков)

ДЕЛО г. ХАЙДЕГГЕРА ВНЕ ВСЯКИХ ПОДОЗРЕНИЙ?

Иметь дело с Хайдеггером сложно. Читать его трудно. Пересказать невозможно. Но говорить о нем можно. И говорят – разное.

Созданный гением Бибихина приторно-глянцевый образ автора шуруется сквозь просветы длиннот своего текста. «Хайль Хайдеггер» – готовы визжать иные вытянувшиеся во фронт приверженцы метафизического блицкрига. И все же дело Хайдеггера не является его личным, как, впрочем, и его переводчика и общественного защитника. Мертвые хватают живых. Опусы Хайдеггера – своего рода мины-растяжки, замаскированные в holzweg'ax.

Но кто бы, что ни говорил, Хайдеггеру удалось занять опорные пункты в словарях и энциклопедиях, закрепиться на стратегических высотах философской мысли. На хайдеггеров товар нашелся купец. Идут на расхват цитаты-лоскутки. Свидетельство тому – отчаянно деконструирующие Хайдеггера пост-модернисты, овладевшие в совершенстве его мистифицирующей техникой

Свято место пусто не бывает. На освободившийся после смерти Бога пост тут же начали претендовать фюреры помельче. Но после Ницше всякое метафизирование является фарсом. «Связь человека с бытием темна», но под пером пастуха бытия тьма становится еще гуще. Блуждание в словесных чашах – не более, чем словоблудие. Иван Сусанин философии XX века завел ее в дебри абракадабры, из которых она выкарабкивается с большим трудом.

Жизненную стезю Хайдеггера прямой не назовешь. Но ее генеральное направление – путь наверх. Ощущая себя «маленьким» человеком, он никоим образом не хотел стать человеком «лишним». Философ с большой дороги прошел славный путь, искусно маневрируя в трех соснах Черного леса. Иезуитство оказалось привито ему на всю жизнь – он благополучно просуществовал при разных режимах. В юности примерял тогу крестоносца, глубоко усвоив уроки спекулятивной теологии. Непринужденно перепархивал из католичества в протестантизм и дальше к антиклерикализму. Его «облико морале» определяется далеко не только членством в (огнем и мечом) правящей партии.

⁴ Там же, стр.188

Плодовитости сына ремесленника можно позавидовать. Хайдеггер настроил, наговорил, и даже надиктовал на пластину очень много. Шипение граммофона графоман принял за зов тишины.

«Вчитаться в книги знаменитого человека» не просто. Хайдеггерава башня из слововой кости окружена колючей проволокой невразумительности. От иноговорящих философов Хайдеггер надежно отгорожен немецким языком, от своих соотечественников – аллеманско-швабским диалектом. Все сто томов его (партийных) книжек сконструированы вовсе не для понимания.

Мысль Хайдеггера вырвалась за пределы логики и грамматики, и потерялась в расщелинах безмыслия. Воистину перед нами «другое мышление». Радикальная редукция не оставляет камня на камне. Под пером (скальпелем) Хайдеггера от человека остались рожки да ножки. Зато разросся цветник псевдопонятий.

Позиция философа может быть определена как воинствующий нигилизм.

Здесь недоверие здравому смыслу («будничный рассудок и расхожее мнение ничего не знают и даже ничего не нуждаются знать...») и науке («Пресловутые трезвость и вселили науки обращаются в насмешку...»). Абстракция характеризуется как «дешевейшее из всех мыслительных средств». Соответственно, «Сама идея «логики» расплывается в водовороте более изначального вопрошания».

Как все это делается у Хайдеггера? В доме бытия все перевернуто вверх дном. Раз-глагольствование ведет к его раз-рушению. Верный прием – имплантация дефисов.

В чужой дом со своим уставом не ходят. Но это указ не для всех. Такое впечатление, что в дом бытия прокралась пятая колонна.

Как бы ни усердствовал Хайдеггер в трансформации лексических значений, нарушении сочетаемости, язык выносит его на чистую воду. Более того, каждое искажение говорит (да что там – вопиет) против воли автора. Пока автор тшится сказать одно, стилистика текста проговаривается в другом.

Хайдеггеровские фразы извиваются как змеи. Клубок пресмыкающихся послушно пляшет под его дудку. Ему не по нраву «словесное звучание и грамматически осмысленное образование», «семантическое содержание». Попытка анализа вызывает его раздражение: «Это ничего и не говорит, пока мы слышим сказанное как голую фразу и выдаем ее на прослушивание логики».

Аргументация заменяется на какой-то театр мимики и жеста: «Уместно будет не выслушать ряд повествовательных предложений, но следить за ходом показывания».

Воля к власти над текстом сочетается с явным нежеланием говорить по существу. Этой цели служат затяжка изложения («Следующий доклад требует краткого предисловия»), отступления, резкая смена темы. Например, обсуждая происхождение нигилизма, Хайдеггер неожиданно задает вопрос, «Что значит «категория»?».

Лингвистическая игра ведется в одни ворота. Хайдеггер владеет богатым инструментарием. Его основные методы – подмена, имитация, подделка. Едва ли не важнейшим приемом предстает витализация, т.е. представление неодушевленных сущностей живыми существами (хотя и не ясной природы). Язык, слово, разговор, мысль, логика, философия ведут как будто свою игру. Но

баварский маг проводит свои операции с помощью мертвой, а не живой воды. В результате по его страницам разбредаются разномастные зомби. Наделенные активностью, они берут на себя ответственность за сказанное автором, который при этом оказывается в стороне

Роль отвлекающего маневра играет ложная самокритика: «А что если, впрочем, все эти метания речи движутся уже в пустоте словесной игры», «Обдумывая все это, мы гоняем по кругу взаимопротиворечащих высказываний».

Делу читательского непротivления авторскому диктату служит отождествление сочинителя с читателем: («Мы называем это словом «бытие»). На другом полюсе значений местоимения «мы» располагаются возможные оппоненты («Мы уверяем, что за [словом «бытие»] невозможно ничего себе представить, в нем невозможно ничего помыслить»).

Горе Хайдеггера не от ума. План Барбароссы оказывается неосуществленным. Карта Хайдеггера бита. Поворот (Kehre) осуществляется в ином направлении. Слово Хайдеггера остается гласом вопиющего в горах Швабии.